

Научная статья

УДК 349.3

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.021

Правовое регулирование правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: юридический конфликт и пути его разрешения

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОФРОНОВ

Союз Вологодская торгово-промышленная палата, Вологда,
Россия, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Аннотация. В статье рассматривается проблема допустимости конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, решение которой находится в плоскости выбора между дозволением и запретом в качестве способа правового регулирования соответствующих общественных отношений. В силу абсолютной противоположности объективных интересов субъектов указанных правоотношений формируется юридический конфликт. Ввиду невозможности устранения противоречий объективных интересов сторон данный юридический конфликт возможно разрешить (преодолеть) лишь путем выбора законодателем способа правового регулирования отношений адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Делается вывод, согласно которому решение о закреплении в нормативных правовых актах дозволения или запрета в качестве способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия между указанными субъектами должно приниматься законодателем, основываясь исключительно на субъективном и волевом выборе приоритета.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальное содействие; адвокат; объективные интересы; конфликт интересов; юридический конфликт; способы правового регулирования.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Софронов Д. Н. Правовое регулирование правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: юридический конфликт и пути его разрешения // *lus publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 193–204. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.021.

Original article

Regulation of Legal Relations of Lawyers' Confidential Assistance to Bodies Conducting Law Enforcement Intelligence Operations: Legal Conflict and Ways to Resolve It

DMITRII N. SOFRONOV

Union Vologda Chamber of Commerce and Industry, Vologda, Russia, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Abstract. The article deals with the problem of the permissibility of confidential assistance of lawyers to bodies engaged in law enforcement intelligence operations, which can be solved by choosing between permission and prohibition as a way of legal regulation of relevant public relations. Due to the absolute opposite of objective interests of the subjects of these legal relations, a legal conflict is formed. In view of the impossibility of eliminating contradictions of objective interests of the parties, this legal conflict can be resolved (overcome) only if the legislator determines the method of legal regulation of lawyers' relations with the bodies carrying out law enforcement intelligence operations. The conclusion is made according to which the decision on the consolidation of permission or prohibition in regulatory legal acts as a way of legal regulation of confidential assistance relations between these subjects should be made by the legislator, based solely on subjective and volitional choice of priority.

Keywords: operational investigative activity; confidential assistance; lawyer; objective interests; conflict of interests; legal conflict; methods of legal regulation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sofronov D.N. Regulation of legal relations of lawyers' confidential assistance to bodies conducting law enforcement intelligence operations: legal conflict and ways to resolve it. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 193–204. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.021.

Специфика использования института конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, предполагает, что нормативные правовые акты, регламентирующие соответствующие общественные отношения, должны содержать максимально точные формулировки, исключающие двойственность их толкования, наличие правовых пробелов и юридических коллизий. Однако в силу присутствия в действующем законодательстве подобных проявлений правоприменитель вынужден осуществлять деятельность, руководствуясь собственным усмотрением при трактовке противоречащих друг другу правовых предписаний, не гарантирующим правомерность сделанного выбора и объективность его оценки другими заинтересованными субъектами.

Наиболее полно указанные факторы нашли отражение в сфере правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия лиц, имеющих статус адвоката, с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. При наличии коллизии между ст. 17 Федерального закона от

12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 5 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА) субъектам рассматриваемых отношений приходится действовать в условиях правовой неопределенности. Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ) по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 КПЭА, как представляется, в действительности не внесло ясности [1]. Предложенные варианты поведения адвокатов не решают проблему выбора оптимального способа преодоления рассматриваемой коллизии в силу того, что противоречат как предписаниям указанных федеральных законов, так и непосредственно КПЭА. В свою очередь критические отзывы со стороны адвокатов [2] вызвало Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 № 1397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белюса Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”», в п. 2 которого констатируется, что «оспариваемая норма ограничивает использование содействия лиц, имеющих статус адвоката, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещает использовать их содействие для подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтрактной основе».

В разрешении указанной коллизии, безусловно, заинтересованы все субъекты соответствующих правоотношений. А. А. Петров отмечает, что разграничиваются две формы (вида) разрешения коллизий – субъективное, ситуационное и одномоментное преодоление коллизии и объективное, окончательное ее устранение [3, с. 262]. Как представляется, наиболее актуальным и практически значимым является не столько поиск пути преодоления существующих противоречий в правовом регулировании рассматриваемых общественных отношений, сколько их устранение. В свою очередь, это предполагает необходимость предварительного теоретического осмысления проблемы выбора законодателем способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия адвокатов и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

В юридической литературе отдельные аспекты рассматриваемой проблемы затрагивались в работах В. А. Гусева [4], В. Ф. Луговика и А. Л. Осипенко [5], Р. Г. Мельниченко [6], А. И. Тамбовцева [7] и Н. В. Павличенко [8]. Однако основное внимание в указанных трудах сосредоточено на недостатках действующих нормативно-правовых актов. При этом проблема выбора между дозволением и запретом в качестве способа правового регулирования соответствующих общественных отношений, стоящего перед законодателем, не становилась предметом самостоятельного анализа. Между тем полагаем, что именно в этом направлении следует сконцентрировать усилия научного поиска, позволяющего проработать правовой механизм осуществления этого выбора в условиях существования различных моделей правового регулиро-

вания анализируемых правоотношений при необходимости принятия решения о целесообразности закрепления какой-либо из них в качестве наиболее приемлемой.

При сохранении принципа добровольности установления правоотношений конфиденциального содействия, закрепленного в ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», использование обязывания в качестве способа правового регулирования рассматриваемых общественных отношений не представляется возможным. Как следствие, у законодателя остается выбор между дозволением и запретом, в свою очередь предполагающим необходимость определиться в том, какая из следующих юридических конструкций должна получить закрепление в нормативных правовых актах: дозволенность отношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; допустимость установления правоотношений конфиденциального содействия между указанными субъектами, предусматривающая наличие ограничений; запрет (абсолютный запрет) на оказание адвокатами конфиденциального содействия соответствующим компетентным органам; запрет на установление между указанными субъектами правоотношений конфиденциального содействия, имеющий ограничение его пределов (границ) в виде исключений.

Сложность совершения данного выбора состоит в том, что он происходит в сфере, в которой правовому регулированию подлежат общественные отношения сторон, имеющих противоположные объективные интересы, продиктованные, прежде всего, спецификой правовой природы осуществляемой субъектами деятельности. В данном случае под объективными интересами понимается интерес как явление общественного бытия людей, фиксирующий меры (средства), способствующие упрочению и позитивному изменению социального положения субъекта общественных отношений. В свою очередь, субъективный интерес представляет собой интерес как явление сознания субъекта общественных отношений, «отношение данного субъекта к путям и способам достижения этой цели» [9, с. 53; 10, с. 8–9].

Как отмечено Ю. С. Пилипенко, и правоохранительные органы, и суд, и адвокатура призваны выполнять одну и ту же задачу – способствовать осуществлению правосудия, что в нынешней цивилизационной парадигме означает стоять на страже закона, защиты прав, свобод и интересов граждан, как потерпевших, так и подзащитных [11, с. 16–22]. Однако в силу различия обязанностей и полномочий этих инстанций (субъектов), а также методов выполнения ими указанной задачи их функционал противоположен [11]. В свою очередь, А. Ю. Шумилов полагает, что основное отличие оперативно-розыскной деятельности от адвокатской состоит в их предназначении: «если адвокатская деятельность – средство оказания квалифицированной юридической помощи определенному физическому или юридическому лицу в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, то оперативно-розыскная деятельность – средство защиты (обеспечения безопасности) и человека, и общества, и государства (официально – от преступных посягательств)» [12, с. 63].

В правовых нормах, регулирующих общественные отношения, реализация правовыми средствами объективных интересов конкретного субъекта может быть обеспечена в полном объеме, частично или не обеспечена вовсе. Как отмечено А. Я. Курбатовым, объективные интересы, охраняемые в пределах, в которых их проявление не ограничивается Конституцией и законами, обозначаются как законные (охраняемые законом), при этом основным критерием установления границ удовлетворения интересов определенного лица служат законные интересы других лиц [10, с. 9–10]. Применительно к тематике настоящей статьи автор не ставит цели определить всю совокупность объективных интересов адвокатов и адвокатского сообщества, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Полагаем достаточным конкретизировать основополагающие объективные интересы указанных субъектов, прямо или опосредованно закрепленные в правовых нормах, регламентирующих их правовой статус и осуществляемую ими деятельность.

Содержание предписаний, сформулированных в ч. 5 ст. 6, п. 2 ч. 1 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяет сделать вывод, что институт конфиденциального содействия рассматривается законодателем в качестве одного из инструментов (средств) решения компетентными органами, перечисленными в ч. 1 и ч. 2 ст. 13 указанного законодательного акта, задач оперативно-розыскной деятельности, в свою очередь закрепленных в ст. 2. Согласно законам формальной логики из этого следует, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность объективно заинтересованы в расширении круга лиц, привлечение которых к конфиденциальному содействию дозволено, и, напротив, негативно относятся к сокращению категорий лиц, чье вовлечение в соответствующие правоотношения ограничено или запрещено.

Вместе с тем А. Ю. Шумилов полагает, что пределы правового регулирования имеют тенденцию к расширению, примером чего является ограничение возможности привлечения к оперативно-розыскной деятельности отдельных категорий лиц, в том числе адвокатов, впервые предусмотренное в ч. 3 ст. 15 Закона Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» и получившее закрепление в ч. 3 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом отмечается, что «выделение в запретную зону для оперативных устремлений указанных категорий лиц научно не обосновано», их перечень «не отражает... в должной мере потребности оперативно-розыскной практики» [12, с. 182–183].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и институтом гражданского общества (ч. 1 ст. 3), действующим на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (ч. 2 ст. 3). В ч. 3 ст. 3 закона на органы государственной власти возложена обязанность по обеспечению гарантий независимости адвокатуры, закрепленных в ст. 18. Согласно ч. 1 ст. 5 КПЭА профессиональная независимость адвоката

является необходимым условием доверия к нему. При этом в ч. 1 ст. 6 кодекса акцентировано внимание на том, что доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны.

На основании изложенного в качестве объективных интересов адвокатов и адвокатского сообщества можно определить потребности лиц, имеющих статус адвоката, в обеспечении правовыми средствами их независимости и недопущении совершения как лицами указанной категории, так и в их отношении другими субъектами действий, подрывающих доверие к конкретному адвокату и адвокатуре в целом. Причем конфиденциальное содействие адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, воспринимается представителями адвокатского сообщества как недопустимая ситуация именно в силу того, что подобные отношения подрывают авторитет адвокатуры, ставят «под угрозу само понятие адвокатской деятельности как деятельности, опирающейся на полное доверие между клиентами и их адвокатами» [13], фактически допускают «предательство интересов своего подзащитного» [2]. Как отмечено Р. Г. Мельниченко, любое сомнительное сотрудничество с органами бросает тень как на адвоката, так и на всю корпорацию в целом, и ставит под угрозу имидж адвокатуры как независимого от государства органа [6].

Влияние указанных факторов на позицию законодателя при принятии решения об ограничении правомочий соответствующих компетентных органов по привлечению к конфиденциальному содействию адвокатов не исключается и специалистами в области оперативно-розыскной деятельности. Так, В. Ф. Луговик и А. Л. Осипенко подчеркивают, что «посредством ограничений в работе с конфиденциальными лицами общество пытается обеспечить независимость адвокатов от спецслужб», что важно «для независимости, правовой суверенности и беспристрастности адвокатов, выполняющих значимые общественные функции» [5, с. 83].

Изложенное позволяет констатировать наличие прямого противоречия объективных интересов адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, касающегося оценки дозволенности установления между соответствующими субъектами правоотношений конфиденциального содействия. При этом удовлетворение в полной мере объективных интересов каждой из сторон посредством их отражения в правовых нормах, регламентирующих рассматриваемые общественные отношения, невозможно в силу их взаимоисключаемости. Как следствие, мы имеем дело с юридическим конфликтом, в основе которого лежат противоречия объективных интересов субъектов.

В отечественной юридической литературе отсутствует общепринятое определение юридического конфликта. К наиболее известным относятся понятия, сформулированные В. К. Бабаевым и В. М. Барановым [14, с. 60], Н. А. Власенко [15, с. 21, 22, 35], В. Н. Кудрявцевым [16, с. 7–8], Ю. А. Тихомировым [17, с. 33], Т. В. Худойкиной [18, с. 25; 19, с. 116]. В рамках настоящей статьи мы исходим из того, что юридический конфликт характеризуется наличием следующих критериев: возникает между субъектами, а не «юриди-

ческими предписаниями, нормами, актами» [20, с. 156; 21, с. 10], после чего «трансформируется или переносится в плоскость правоотношений» [17, с. 28]; в его основе лежат противоречия объективных интересов сторон. Последний посыл опирается на тезис, сформулированный А. В. Дмитриевым, который считает, что «какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения противоборствующих сторон, в конечном счете они упираются в их интересы, которые в случае конфликта оказываются несовместимыми или противоположными» [22, с. 67]. Следует отметить, что отдельными авторами указанный подход подвергается критике из-за явного преувеличения роли «интересов в социально-психологическом механизме поведения контрсубъектов» [23, с. 48]. Полагаем, что при всей «сложности и многоаспектности юридического конфликта как социально-правового явления» [17, с. 13–14; 19, с. 89], наличии иных сопутствующих идентификационных критериев рассматриваемого правового явления именно интересы сторон выступают ключевым признаком.

Таким образом, суть рассматриваемого юридического конфликта состоит в том, что дозволение на установление правоотношений конфиденциального содействия между указанными субъектами противоречит объективным интересам адвокатов, а их запрет – объективным интересам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Правовая регламентация рассматриваемых общественных отношений путем обеспечения приоритета реализации объективных интересов одной из сторон, в зависимости от установленных пределов регулирования, неизбежно приводит к абсолютному или частичному ограничению возможности удовлетворения объективных интересов второй стороны. При этом в силу полной противоположности объективных интересов соответствующих субъектов обеспечить их баланс в условиях одновременного закрепления и охраны правовыми средствами невозможно. Это продиктовано тем, что увеличение пределов дозволенного для одной стороны расширяет границы ограничений для другой и рассматривается ею как ущемление ее объективных интересов. В этой связи примирение сторон посредством формулирования правовых предписаний, устраивающих обоим субъектам, не представляется возможным. Как следствие, независимо от выбранного способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, юридический конфликт не устраняется, а тот или иной вариант определения границ должного и запретного отражает лишь степень возможного удовлетворения объективных интересов каждой стороны при сохранении самого юридического конфликта. Как справедливо отмечено Л. К. Жаровой, конфликт является исчерпанным только при условии устранения противоречий в системе отношений, а при их сохранении «явление, определяемое как конфликт, получает иную форму, но, по сути, конфликтом остается» [24, с. 117].

Принимая во внимание указанные факторы, следует констатировать, что в анализируемой сфере правоотношений крайне затруднительно, скорее даже невозможно, создание не только идеальной, но и компромиссной модели

правового регулирования, в равной степени удовлетворяющей объективные интересы обеих сторон.

Следует акцентировать внимание на важном аспекте. Проявление рассматриваемого юридического конфликта в виде коллизии правовых норм, как это имеет место в действующем законодательстве, необязательно. Отсутствие в правовых нормах, регламентирующих соответствующие правоотношения, противоречий не приводит к их устранению в объективной реальности. Специфика объективных интересов состоит в том, что даже при отсутствии их закрепления в правовых актах указанные интересы сохраняют свою действенность и продолжают отражать потребности их носителя. Из этого следует, что даже в случае устранения коллизии действующих правовых предписаний, регулирующих анализируемые общественные отношения, противоречия объективных интересов соответствующих субъектов сохранятся.

С. В. Михайлов полагает, что «процесс реализации, в отличие от самого объективного интереса, есть динамическое (постоянно находящееся в развитии) объективно-субъективное явление», «в зависимости от идеологии общества меняется представление о том, какие интересы заслуживают правовой охраны», поэтому «в качестве ориентира правового регулирования законодатель должен иметь объективные интересы, а не волевые усилия тех или иных социальных субъектов» [25, с. 45–46]. Как уже показано, в силу абсолютной противоречивости объективных интересов адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в сфере рассматриваемых правоотношений, исключающей возможность их устранения, указанные интересы не могут служить единственным и однозначным критерием для выбора способа их правового регулирования.

Учитывая изложенное, в нормотворческой деятельности законодателю следует исходить из посыла о том, что в рассматриваемых общественных отношениях противоречия объективных интересов субъектов не устранимы. В его силах разрешить посредством нормативно-правового регулирования лишь сам юридический конфликт, в основе которого лежат эти противоречия. Следует согласиться с В. В. Севальневым и Е. В. Черепановой в том, что государство не может гарантировать реализацию всех интересов [26, с. 146]. В силу указанных факторов полагаем, что устойчивость правового механизма регулирования соответствующих отношений может быть обеспечена только в том случае, если законодатель будет опираться исключительно на субъективный и волевой выбор способа правового регулирования, основанного на его собственной оценке объективных закономерностей «с учетом специальных экономических, социальных, политических, культурных, исторических и иных условий и потребностей для достижения эффективности (в его понимании) регулирования или иных целей» [27, с. 31–32].

В этом случае юридический конфликт по вопросу о допустимости установления между указанными субъектами отношений конфиденциального содействия разрешается путем использования процедуры, в юридической литературе определяемой как принудительное прекращение противостояния сторон [28, с. 253]. Применительно к анализируемым правоотношениям это

значит, что законодателю при определении способа правового регулирования следует осуществлять выбор между потребностями оперативно-розыскной и адвокатской практики, руководствуясь, прежде всего, собственными представлениями об их приоритетности, а не устремлениями какой-либо из сторон, принимающей наиболее весомые усилия по преимущественному закреплению именно ее интересов в формулировках регулирующих правовых предписаний.

При этом следует понимать, что независимо от сделанного законодателем выбора способа правового регулирования рассматриваемых общественных отношений, подобное решение имеет исключительно ситуационный характер, лишь на какой-то период снижая конфликтный потенциал одной или обеих сторон, не устраняя его вовсе. Сохранение противоречий объективных интересов соответствующих субъектов неизбежно приводит к возобновлению юридического конфликта, который фактически приобретает эффект постоянного присутствия.

Теоретический и практический интерес представляет определение наиболее приемлемой модели правового регулирования отношений конфиденциального содействия между адвокатом и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако это требует детального анализа достоинств и недостатков дозволения и запрета как способов правового регулирования соответствующих общественных отношений, что выходит за рамки предмета рассмотрения настоящей работы и представляется перспективным в качестве самостоятельного исследования.

Учитывая изложенное, полагаем, что в силу абсолютной противоположности объективных интересов адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, неустранимости юридического конфликта, сформированного указанными факторами, решение о закреплении в нормативных правовых актах дозволения или запрета в качестве способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия между названными субъектами должно приниматься законодателем, основываясь исключительно на его субъективном и волевом выборе приоритета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2016. № 1.
2. Гаспарян Н. Об участии адвоката в ОРМ. Отказ в возбуждении дела в отношении адвоката – участника ОРМ не означает отсутствия в его действиях нарушения КПЭА // Адвокатская газета. 2018. 21 сент. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018/> (дата обращения: 17.10.2022).
3. Петров А. А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 262–264.
4. Гусев В. А. Участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий // Законодательство и практика. 2020. № 1. С. 14–19.

5. Луговик В. Ф., Осипенко А. Л. О сотрудничестве адвоката с оперативно-розыскными органами // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 81–86.
6. Мельниченко Р. Г. Спор о понятии «негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» // Адвокат. 2013. № 7. С. 5–8.
7. Тамбовцев А. И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 91–100.
8. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Запрет на содействие оперативно-розыскным органам адвокатов: анахронизм или реальная необходимость // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 137–144.
9. Курбатов А. Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности М., 2001. 211 с.
10. Курбатов А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М., 2013. 172 с.
11. Пилипенко Ю. С. Некоторые аспекты взаимоотношений адвокатов с правоохранительными органами и судом // Адвокатская практика. 2007. № 2. С. 16–22.
12. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : моногр. : в 3 т. Москва, 2013. Т. 1. 454 с.
13. Иванов А. Понятия «адвокатура» и «тайный сыск» несовместимы // Адвокатская газета. 2018. 13 июля.
14. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права : краткая энцикл. Н. Новгород, 1997. 200 с.
15. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 99 с.
16. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / О. Л. Дубовик, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1994. Ч. 2. 172 с.
17. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие. М., 2000. 394 с.
18. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 23 с.
19. Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск, 2001. 388 с.
20. Сидоров В. П. Грицкевич Ю. Н. Сможет ли конгруэнтное право заменить коллизионное? // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». 2015. № 2. С. 153–159.
21. Буюков А. Ю. Юридические коллизии и способы их устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 30 с.
22. Основы конфликтологии : учеб. пособие / А. В. Дмитриев, Ю. Г. Запрудский, В. П. Казимирчук [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1997. 200 с.
23. Карташов В. Н. Семенова Н. В. Введение в общую теорию правовой системы общества : текст лекций. Ярославль, 2002. Ч. 8. 144 с.
24. Жарова Л. К. Соотношение юридических конфликтов и юридических коллизий // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 1. С. 110–122.
25. Михайлов С. В. Категория интереса в гражданском (частном) праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 255 с.
26. Севальнев В. В. Черепанова Е. В. Конфликт интересов как правовой феномен в публичной сфере // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 143–151.
27. Прудентов Р. В. Метод правового регулирования: вопросы теории и конституционного права : моногр. М., 2019. 192 с.
28. Бахтанова А. Г. К вопросу о понятии юридического конфликта // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 6 (98). С. 252–256.

REFERENCES

1. Explanation of the Commission of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on Ethics and Standards on the application of Clause 3.1 of Article 9 of the Code of Professional Ethics of a lawyer (approved by the decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of January 28, 2016). In: *Vestnik Federal'noi palaty advokatov Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation]. 2016. No. 1. (In Russ.).
2. Gasparyan N. On the participation of a lawyer in the ORM. Refusal to initiate proceedings against a lawyer participating in the OPM does not mean that there is no violation of the KPEA in his actions. *Advokatskaya gazeta = Lawyer Newspaper*, 2018, September 21. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018/> (In Russ.). (Accessed October 17, 2022).
3. Petrov A.A. Strategies for overcoming collisions in law: concept, types, effectiveness. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2017, no. 11, pp. 262–264. (In Russ.).
4. Gusev V.A. Participation of a lawyer in conducting covert operational search activities. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice*, 2020, no. 1, pp. 14–19. (In Russ.).
5. Lugovik V.F., Osipenko A.L. On cooperation of a lawyer with operational-investigative bodies. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (50), pp. 81–86. (In Russ.).
6. Mel'nichenko R.G. Dispute about the concept of “tacit cooperation of a lawyer with bodies carrying out law enforcement intelligence operations. *Advokat = Advocate*, 2013, no. 7, pp. 5–8. (In Russ.).
7. Tambovtsev A.I. Analysis of legislative prohibitions on confidential assistance of citizens under a contract to the bodies carrying out the ORD. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2013, no. 1 (20), pp. 91–100. (In Russ.).
8. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Legal analysis of the categories of “legal capacity” and “majority” when concluding a contract with an operational investigative body. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 3 (63), pp. 137–144. (In Russ.).
9. Kurbatov A.Ya. *Sochetanie chastnykh i publichnykh interesov pri pravovom regulirovanii predprinimatel'skoi deyatel'nosti* [Combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity]. Moscow, 2001. 211 p.
10. Kurbatov A.Ya. *Zashchita prav i zakonnykh interesov v usloviyakh “modernizatsii” pravovoi sistemy Rossii* [Protection of rights and legitimate interests in conditions of “modernization” of the legal system of Russia]. Moscow, 2013. 172 p.
11. Pilipenko Yu.S. Some aspects of the relationship of lawyers with law enforcement agencies and the court. *Advokatskaya praktika = Lawyer Practice*, 2007, no. 2, pp. 16–22. (In Russ.).
12. Shumilov A.Yu. *Operativno-rozysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monogr: v 3 t. T. 1.* [Law enforcement intelligence science in the Russian Federation: monograph: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow, 2013. 454 p.
13. Ivanov A. Concepts of “advocacy” and “secret investigation” are incompatible. *Advokatskaya gazeta = Advocate Newspaper*, 2018, July 13. (In Russ.).
14. Babaev V.K., Baranov V.M. *Obshchaya teoriya prava: kratkaya entsikl.* [General theory of law: brief encyclopedia]. Nizhny Novgorod, 1997. 200 p.
15. Vlasenko N.A. *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflict of laws norms in Soviet law]. Irkutsk, 1984. 99 p.
16. Dubovik O.L., Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev S.V. *Yuridicheskaya konfliktologiya: v 3 ch. Ch. 2.* [Legal conflictology: in 3 parts: Part 2]. Ed. by Kudryavtsev V.N. Moscow, 1994. 172 p.
17. Tikhomirov Yu.A. *Kollizionnoe pravo: ucheb. i nauch.-prakt. posobie* [Conflict of laws: studies manual]. Moscow, 2000. 394 p.

18. Khudoikina T.V. *Yuridicheskii konflikt: dinamika, struktura, razreshenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal conflict: dynamics, structure, solution: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1996. 23 p.
19. Khudoikina T.V. *Yuridicheskaya konfliktologiya: ot iskhodnykh pozitsii teorii do praktiki razresheniya i preduprezhdeniya yuridicheskogo konflikta* [Legal conflictology: from initial positions of the theory to the practice of resolving and preventing legal conflict]. Saransk, 2001. 388 p. (In Russ.).
20. Sidorov V.P. Can congruent law replace conflict of laws? *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Ekonomika, pravo i upravlenie" = Bulletin of Pskov State University. Series "Economics, Law and Management"*, 2015, no. 2, pp. 153–159. (In Russ.).
21. Buyakov A.Yu. *Yuridicheskie kollizii i sposoby ikh ustraneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal conflicts and ways to eliminate them: Candidate of Sciences (Law)]. Saratov, 1999. 30 p.
22. Dmitriev A.V., Zaprudskii Yu.G., Kazimirchuk V.P. *Osnovy konfliktologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of conflictology: studies manual]. Ed. by Kudryavtsev V.N. Moscow, 1997. 200 p.
23. Kartashov V.N. Semenova N.V. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoi sistemy obshchestva: tekst lektsii. Ch. 8.* [Introduction to the general theory of the legal system of society: text of lectures. Part 8]. Yaroslavl, 2002. 144 p.
24. Zharova L.K. Correlation of legal conflicts and legal collisions. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 1, pp. 110–122. (In Russ.).
25. Mikhailov S.V. *Kategoriya interesa v grazhdanskom (chastnom) prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Category of interest in civil (private) law: Candidate of Sciences (Law)]. Moscow, 2000. 255 p.
26. Seval'nev V.V. Cherepanova E.V. Conflict of interests as a legal phenomenon in the public sphere. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 10, pp. 143–151. (In Russ.).
27. Prudentov R.V. *Metod pravovogo regulirovaniya: voprosy teorii i konstitutsionnogo prava: monogr.* [Method of legal regulation: issues of theory and constitutional law: monograph]. Moscow, 2019. 192 p.
28. Bakhtanova A.G. On the question of the concept of a legal conflict. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tambov State University*, 2011, no. 6 (98), pp. 252–256. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОФРОНОВ – **DMITRII N. SOFRONOV** – Advisor to the President of the Union Vologda Chamber of Commerce and Industry, Russia, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Статья поступила 26.10.2022